

ФРАНЦУЗСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ТОЛСТОГО

ИЗ ПИСЕМ ШАРЛЯ САЛОМОНА

Сообщение Андре Мазона (Париж)*

Известный переводчик и пропагандист сочинений Толстого во Франции, многолетний его корреспондент Шарль Саломон родился в Париже 16 июля 1862 г. Это был человек благородного и деятельного характера, обладавший на редкость обширными знаниями и высокой культурой. Предки его были гугенотами. После отмены Нантского эдикта, в XVIII в., они переселились в Швейцарию. Но отец его вернулся во Францию и стал морским офицером. Мачеха Саломона (урожденная Перро), заменившая ему мать, была в юности фрейлиной Петербургского двора и сохранила близкую дружбу с графиней А. А. Толстой. Вследствие этого, ее пасынку, приехавшему в 1893 г. в Россию, удалось без особого труда завязать знакомство с Толстым.

Молодой француз вскоре стал близким человеком в доме Толстого. Как ни были редки и кратки его приезды в Ясную Поляну, он сумел завоевать здесь симпатии — и неподдельным восхищением, с которым относился к Толстому, и живым интересом к России и русской жизни.

Хочется заметить, что именно Саломону (моему близкому другу, несмотря на большую разницу в годах) обязан я счастьем личного знакомства с Толстым. «Дядя Шарль», как называли его внуки Толстого, сблизил меня с Сергеем Львовичем и Татьяной Львовной, которым удалось убедить меня увеличить своей особой и без того уже громадное число иностранных посетителей Толстого (см. русский перевод моих воспоминаний о поездке в Ясную Поляну в апреле 1909 г. в «Яснополянском сборнике, год 1960-й». Тула, 1960, стр. 214—216).

Из всех французских друзей и знакомых Толстого Саломон, без сомнения, был ему наиболее близок в духовном отношении. Он не только восторгался великими художественными произведениями Толстого, осветившими нашу молодость, но и впитал в себя революционные и благородные истины, которыми проникнуты публицистические сочинения великого моралиста.

Нельзя сказать, что взгляды Толстого полностью разделялись Саломоном. Но молодого французского пленило дыхание истины, мужественная борьба, которую вел Толстой против низости и обмана «цивилизованного» общества; так же, как и его другу Полю Буайе, Саломону хотелось, чтобы это дыхание истины пронеслось над всеми их современниками и было услышано ими. И он покинул Социальный музей, директором которого был, и целиком посвятил себя ознакомлению французского общественного мнения с той титанической борьбой против лжи, которую вел Толстой в 1894—1896 гг. в таких статьях, как «Религия и нравственность», «Христианский дух и патриотизм», «Приближение конца», предисловие к рассказам

* Перевод с французского М. И. Беляевой.

ШАРЛЬ САЛОМОН У ТОЛСТОГО В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Сидят на скамье (справа налево): Толстой, Т. Л. Толстая, М. Н. Толстая, Шарль Саломон, А. Д. Архангельский. Стоят (справа налево): С. А. Толстая, О. К. Толстая, А. Л. Толстой, А. Л. Толстая, Д. Д. Дьяков, С. Л. Толстой, Джеймс Мэвор. Внизу на траве: М. Л. Толстой (слева) и Н. Н. Ге (сын)

Фотография С. А. Толстой. Август 1899 г.

Музей Толстого, Москва

ПИСЬМО ТОЛСТОГО ШАРЛЮ
САЛОМОНУ ОТ 5/17 МАРТА 1894 г.

Автограф. Лист первый
Bibliothèque Nationale, Paris

Cher Monsieur Salomon,

 Je vous suis très reconnaissant
 pour la traduction et la publi-
 cation de la déclaration
 mais surtout pour l'amitié
 que vous témoignez à moi.
 J'y suis très sensible ainsi
 que ma femme qui vous
 fait dire mille choses.
 Si la traduction de mon
 article sur la religion
 et la morale n'avait
 donné le à M. Segura
 et dans tous les cas ne
 le publie pas dans la Revue
 Chrétienne. J'ai peur de
 tout ce qui porte le nom
 de Chrétien. Je crois qu'il

Мопассана и др. Переводы из Толстого, сделанные Саломоном в сотрудничестве с Буайе или редактированные им, совершенно безупречно передают дух подлинника; тем не менее ему приходилось тратить немало усилий, и зачастую без малейшего успеха, чтоб убедить издателей и редакторов публиковать на страницах газет и журналов или выпускать в виде отдельных брошюр свои переводы. В связи с этой деятельностью ему посчастливилось сблизиться с П. Дежарденом и группой его друзей, инициаторов Народного университета на улице Муфтар, а также с рядом крупных политических деятелей разных направлений.

Саломон находился с Толстым в переписке с самого начала 1894 г., подробно информируя писателя об издании его сочинений, о своих и чужих переводах, о положении дел во Франции и т. п. Ответные письма Толстого были впоследствии напечатаны Саломоном в «Revue des Etudes Slaves» (1930) и затем вошли в Юбилейное собрание сочинений. Письма же самого Саломона (число их достигает тридцати девяти), хранящиеся в Архиве Толстого, в печати еще не появлялись. Заметное место в письмах Саломона занимает семейная тематика, вполне понятная при близости его отношений с Толстым.

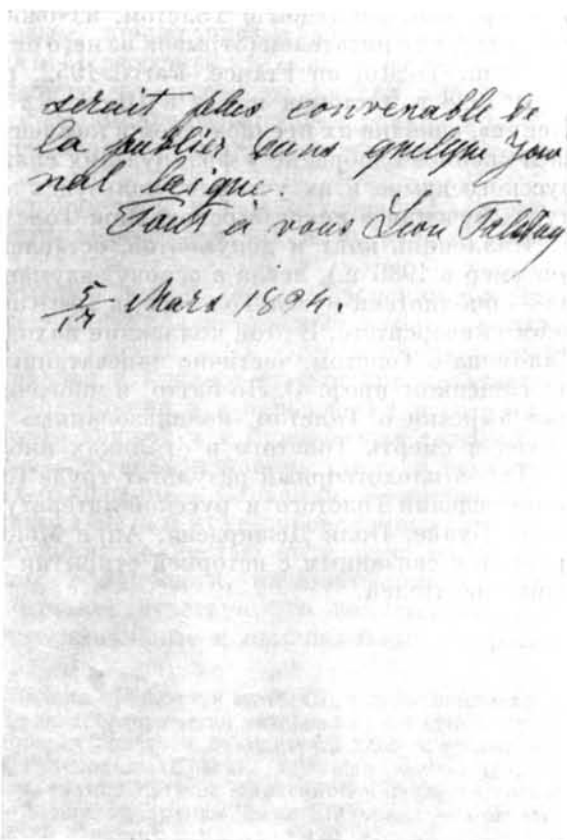
Наибольший интерес, разумеется, представляют письма, связанные с деятельностью Саломона как переводчика Толстого. Вот что он, например, писал 21 июня 1894 г.:

«Извините меня, пожалуйста, за то, что я долго не писал вам: между тем, я должен был это сделать по тысяче причин. Но еще не слишком поздно горячо поблагодарить вас за то удовольствие, которое вы мне доставили, поручив перевести ваше предисловие к Мопассану. В этом для меня

соединились различные интересы: вы написали и ведете речь о человеке, которым я восхищаюсь как литератором и к которому испытываю горячую привязанность, потому что он лучше всех других французских писателей изумительно выразил чувства и ощущения, которые я понимаю и испытываю сам. Предисловие ваше имело здесь огромный успех: это доходило до меня со всех сторон. Успех был и у тех, кто вполне согласен с вашим мнением, и у тех, кто не совсем разделяет вашу точку зрения.

А теперь я должен попросить вас о некоторой снисходительности к моей работе. Я старался в меру своих сил: но сделал я ее в условиях спешки, от меня не зависевших, погоняемый депешами главного редактора „Débats“ и в полном уединении, в Бретани, без помощи своих книг и словаря. Если эту вещь придется включить в состав тома, я пересмотрю свою работу. Некоторые ошибки представляют собой опечатки по вине типографии: мне не удалось продержаться корректуру. И не мной проставлен заголовок, который без моего участия придумал г. Эдуард Род.

Графиня Татьяна написала мне, что вы подумываете о публикации целого тома статей. Я, конечно, буду в вашем распоряжении с осени, когда возвращусь в Париж. Мне кажется, что „Неделание“, „Религия и нравственность“ и Предисловие к Мопассану не составят книги. Надлежало бы прибавить к ним статью о Тулоне, которую переводит Легра, и, возможно, что-нибудь еще, для того, чтоб этот том приобрел достаточные размеры. Мне кажется, что можно взять что-нибудь из ваших педагогических статей: была ли когда-нибудь переведена статья „Кому у кого учиться писать“? Я с удовольствием перевел бы ее <...>

ПИСЬМО ТОЛСТОГО ШАРЛЮ
САЛОМОНУ ОТ 5/17 МАРТА
1894 г.

Автограф. Лист последний
Bibliothèque Nationale, Paris

Кажется, в некоторых местах мне частично удалось передать свежесть и силу вашего стиля. Но я еще раз прошу вас о снисхождении, заслуженном мною в том отношении, что я *делал как только мог лучше...*»

Саломону пришлось посетить Ясную Поляну незадолго до ухода и смерти Толстого. Внезапное известие о трагическом конце явилось для него, как и для всех верных почитателей Толстого во Франции, едва ли не самым большим горем в жизни. На следующий день по получении печальной новости это общее горе объединило их в старом домике, бывшем обиталище Расина на улице Висконти: на зов Дежардена собрались Алан, Шарль Жид, Пеги, Буайе, Алеви, Саломон, еще человек десять, в числе которых был и автор этих строк; мы обсуждали причины и смысл этого таинственного конца, и у всех нас было предчувствие той правды, которую позднее сформулировала дочь Толстого, Татьяна Львовна: он хотел убежать от жизни, тяготившей его как лживый компромисс, он желал жить в соответствии со своей верой в человека.

21 ноября 1910 г. в «Journal des Débats» была напечатана некрологическая статья Саломона о его великом русском друге.

В своих «Свидетельствах о последних днях Толстого», написанных в сотрудничестве с Даниэлем Алеви и опубликованных в «Correspondance», Саломон пытался пролить свет на эту поучительную кончину. Через десять с лишним лет он снова вернулся к той же теме в своих «Свидетельствах об уходе и смерти Толстого» («Nouvelle Revue Française», 1. II 1922).

Перу Саломона принадлежит любопытное исследование об «Азбуке» Толстого и Арведе Барине («Mélanges en l'honneur de Paul Boyer», Paris, 1925).

Нельзя не отметить, что 10 января 1926 г. Саломон выступил в Сорбонне с интересным докладом о Толстом, изложив в нем отдельные эпизоды из своих встреч с писателем (отрывок из него опубликован в книге Th. L i n d s t r o m. Tolstoï en France. Paris, 1952, p. 118—120).

В 1928 г. Саломон издал в Париже толстовские «Четыре книги для чтения», снабдив их предисловием и комментариями. Это издание встретило заслуженное одобрение у французских славистов, и наши преподаватели русского языка и их ученики, пользуясь этой книгой, словно проходили курс обучения в некогда основанной Толстым яснополянской школе.

Коллекция книг и документов, оставленная Саломоном по завещанию (он умер в 1936 г.), легла в основу задуманного им нового научного центра — библиотеки-музея Толстого в Institut d'Etudes Slaves при Парижском университете. В этой коллекции находится и рукопись воспоминаний Саломона о Толстом, частично напечатанных недавно в Риме, в сборнике, посвященном проф. Э. Ло Гатто, и многочисленные газетные и журнальные вырезки о Толстом, использованные Л. Р. Ланским в его обзоре «Уход и смерть Толстого в откликах иностранной печати».

Таков плодотворный результат труда Саломона над распространением произведений Толстого и русской литературы. Имя его, наряду с именами Поля Буайе, Поля Дежардена, Анри Монго и Даниеля Алеви, навсегда останется связанным с историей открытия для Франции величайших русских писателей.